

РАССКАЗЫ ЕВГ. ГОСЛАВСКОГО

Евгений Гославский[1] - своеобразный художник слова.

Нет на его палитре ярких ослепляющих красок; он не прибегает к воспроизведению серых и сумрачных полутонов, излюбленных декадентской литературой. Он не старается подействовать на нервы и фантазию малорефлектирующего читателя игрой неопределенных образов и туманной символистикой. "Поэзия настроений" ему совершенно чужда... Напротив, эстетические приемы, которыми он пользуется, носят на себе печать строго "классического" искусства. Он неуклонно следует заветам русского реализма, реализма, который составляет величайшую гордость нашей литературы... И, как реалист, он умеет быть оригинальным. Его реалистические описания отличаются силой, изяществом, картинностью, изобразительностью...

Но в *то же время* общее направление, в котором работает его творческая мысль, несколько *сближает его* с "модернистами", с представителями "новой" беллетристической школы.

Если для реалистов-"классиков" главный интерес беллетристических произведений заключается в проведении определенной идеи, в постановке того или другого "принципиального" вопроса, то "новые" беллетристы интересуются, главным образом, разработкой психологических сюжетов. Так именно поступает Евг. Гославский.

Писатель, одушевленный альтруистическими стремлениями, писатель-гуманист, писатель, вступающий за обездоленных, "униженных и оскорбленных", он сосредоточивает свое внимание преимущественно на развитии психологических мотивов. И при этом он любит выбирать в герои своих рассказов людей, представляющих в психологическом отношении большие особенности, людей, психически *односторонне* развитых, людей, выражаясь языком субъективной социологии, с "пораженной индивидуальностью". Если же в некоторых его рассказах героями являются люди, приближающиеся к типу людей "нормальных", они постоянно повествуют о тех моментах их жизни, когда в глубине их душевного мира разыгрываются бури, когда их внутренний мир становится жертвой аморальных, патологических порывов. Область патологических явлений особенно часто служит в его рассказах предметом художественных экскурсий[2].

Прочтите рассказ "Соперница"[3]. Тема рассказа представляет большой общественный интерес: в рассказе изображается момент столкновения двух сельскохозяйственных культур, говорится о том, как в одном поместье вводится усовершенствованная сельскохозяйственная машина, и как крестьянский мир относится к этому нововведению.

Главная героиня рассказа - немая крестьянская девушка.

Немая девушка, по деревенским понятиям, существо отверженное.

"Природа обидела ее (героиню рассказа), сообщает автор, лишив языка. Люди вследствие этого признали ее уродом, выродком, не имеющим, между прочим, права и на общую женскую долю: на радости и страдания любви... Крестьяне в этом случае очень откровенны и прямолинейны. Всякое вообще уродство, прежде всего, презирается ими... В тебе такой-то изъян, тем и другим ты более или менее не полный человек. Так и знай же это, и не суйся в ряды нормальных людей".

И Параха (имя девушки), на самом деле, стоит вне "рядов нормальных (в психическом отношении) людей"; постоянные насмешки, которыми ее преследовали односельчане, ожесточили ее до последней степени, развили в ней болезненное самолюбие; потерявши право на "общую женскую долю", она принуждена была подавлять в себе насильно инстинкты женской натуры, "убегать от самой себя, как от женщины"; в этом подавлении женских инстинктов, в "этом убегании от самой себя... было опять-таки нечто болезненное". Одним словом, ее внутренний мир представлял самую благодарную почву для проявления и развития патологических чувств и настроений... И стоило только Парахе лишиться того, что единственно спасало ее от безграничного отчаяния, что до некоторой степени все-таки позволяло ей считать себя гражданской селского общества, решиться уверенности в своей "богатырской" силе и сознания своего превосходства, как работницы, перед "доброй половиной" односельчан; стоило ей, другими словами, встретиться с могущественной "соперницей", с машиной-жнейкой и убедиться в ограниченности своей рабочей силы по сравнению с силой машины, в душе Парахи тотчас разыгралась душевная драма, приведшая к полному умоисступлению. Изображение постепенного роста этой душевной драмы и составляет центр тяжести повествования. Фигура Парахи вытесняет во внимании читателя все остальные фигуры героев рассказа. Вместо общего интереса рассказ приобретает интерес специальный. Этюд по общественному вопросу превращается в этюд по патологии.

Другой пример пристрастия Евг. Гославского к психопатологическому анализу. Евг. Гославский в двух рассказах обрисовывает быт сельских учителей, их положение среди провинциальной аристократии